

А. Ю. Братухин

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

СОТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО (ΑΝΑΠΑΥΣΙΣ И ΚΑΤΑΠΑΥΣΙΣ)

В статье рассматриваются все случаи употребления Климентом Александрийским лексем ἀνάπαυσις и κατάπαυσις, которые в Септуагинте могли выступать как синонимы. Используя одну и ту же лексему для обозначения покоя Седьмого и Первого (Восьмого) дня Климент показывает, что он не стремится использовать разные лексемы для обозначения отдохновения в раю, «где течет молоко и мед», и «подлинного» (τῷ ὄντι) / «высочайшего» (ἀκροτάτη) отдохновения преуспевших. Другими определениями при ἀνάπαυσις выступают слова «вечное» (αἰδιος, αἰώνιον), «истинное» (ἀληθής), «совершенное (τελεία), «во Христе» (ἐν Χριστῷ).

Замена в Strom. VI, 14, 108, 1 библейской формы κατασκηνώσει «вселятся» (Пс. 14:1) формой καταπαύσουσιν «упокоятся» объясняется словесной игрой Климента: он сохраняет приставку, но прибавляет к ней важный для своего рассуждения корень.

Ключевые слова: Климент Александрийский, сотериология, Гебдомада, Огдоада, ἀνάπαυσις, κατάπαυσις.

A. Yu. Bratukhin

(Perm' State National Research University)

Soteriological terminology of Clement of Alexandria (ἀνάπαυσις and κατάπαυσις)

The article discusses all cases of Clement of Alexandria using the ἀνάπαυσις lexeme (thirty-nine times) and κατάπαυσις (two times), which in the Septuagint were often synonymous. Six times ἀνάπαυσις is used in a common context, once it characterizes the state of angels before the appearance of a man (Ecl. 56, 7), six times — the state of the Gnostics in the Ogdoad, fixed sphere, twenty-four times — the state of the righteous in the Hebdomad, the Sabbath rest, twice it says of “God’s rest”. Using the same lexeme to denote the rest of the Seventh and First (Eighth) day, Clement shows that he does not seek to use different lexemes to denote rest in paradise, “where milk and honey flow” and “genuine (τῷ ὄντι)” / “the highest (ἀκροτάτη) repose” of the true Gnostics. Other definitions for ἀνάπαυσις are the words “eternal (αἰδιος, αἰώνιον)”, “veritable (ἀληθής)”, “perfect (τελεία)”, “in Christ (ἐν Χριστῷ)”.

The replacement in Strom. VI, 14, 108, 1 of the biblical form κατασκηνώσει “inhabit” (Psalm 14: 1) by the form καταπαύσουσιν “rest” is explained by Clement’s play on words: he preserves the prefix and adds a root.

Κατάπαυσις appears twice in Clement's writings — in a Gospel quotation and its paraphrase. Clement's preference for the word *ἀνάπαυσις* could be affected, among other things, by the fact that the authors he used (Plato, Philo, Plutarch) use only this noun.

The terminological coincidence of the designations of the original rest, rest of the Hebdomada and the Ogdoada raises a question that deserves special study, namely how fundamental, for Clement, the difference between the state of Adam before the fall and the deification of the Gnostics was.

Keywords: Clement of Alexandria, soteriology, Hebdomad, Ogdoad, *ἀνάπαυσις*, *κατάπαυσις*.

Важность для Климента Александрийского понятия «отдохновение» уже отмечалась. Согласно Яну Хельдерману, «слово *ἀνάπαυσις* можно найти в значимых контекстах: *ἀνάπαυσις* была конечной целью христианского благочестия (*das Endziel der christlichen Frömmigkeit*), к которой стремился христианин («христианский гностик»), ищущий знания». Подкрепляя свой тезис, немецкий исследователь приводит цитаты из Paed. I, 29, 3–4 и I, 102, 2 (Helderman 1984: 62).

Как замечает А. М. Шуфрин, Климент в Strom. VI, 14, 108, 1 различает покой седьмого дня и покой восьмого дня: «Для Климента, однако, восьмой день является днем не только Воскресения, но и упокоения, как явствует из его описания состояния тех, кто достиг конечной ступени “нескончаемого продвижения”: <...> (таковые, согласно Давиду, “упокоятся на святой горе Божией”, [т.е.] в горней Церкви,... не оставшись в Седьмерице покоя, благодетельностью Богоуподобления войдя в наследие благодаяния Восьмерицы...). Климент подставляет *καταπαύσουσιν* (упокоятся) вместо *κατασκηνώσει* (вселятся)¹ Пс. 14:1, чтобы подчеркнуть, видимо, что во Христе нас не покидает надежда на упокоение, но это упокоение превосходит покой седьмого дня (для обозначения которого Климент резервирует термин *ἀνάπαυσις*)» (Шуфрин, 2013: 168, прим. 261). Действительно, слово *κατάπαυσις* может обозначать состояние более высокое, чем относящееся к субботе слово *ἀνάπαυσις* (Johnston 2011: 324), например: «Ибо избрал Господь Сион; возжелал его в жилище Себе. “Это покой Мой во век века (*αὕτη ἡ κατάπαυσις μου εἰς αἰῶνα αἰῶνος*)”» (Пс. 131:13–14). С другой стороны, в Ветхом Завете обнаруживаем употребление этих слов как синонимов: «Шесть дней делай дела, а день

¹ Впервые на эту замену указал О. Штэлин (Stählin 1901: 21). Прим. наше. — А. Б.

седьмой — покой, святое, суббота, отдохновение Господу (τῆ δὲ ἡμέρᾳ τῆ ἐβδόμῃ κατάπαυσις, ἄγιον, σάββατα, ἀνάπαυσις κυρίῳ)» (Исх. 35:2). Мы рассмотрим те фрагменты из сочинений александрийского автора, в которых появляются слова ἀνάπαυσις и κατάπαυσις, и попытаемся на основании этого анализа выяснить, во-первых, насколько последователен был Климент в использовании важных для него терминов и, во-вторых, характеризуют ли у него слова ἀνάπαυσις и κατάπαυσις разное состояние душ в Царствии Небесном.

Согласно Клименту, неоднократно использующему слова Гебдомада (Седьмерица) и Огдоада (Восьмерица), «совершенное очищение — это вера в Евангелие; семь дней (периоды времени или небесные сферы) представляют собой становление (genesis) и грех, которые гностик должен отложить. Восьмой день или рай — это место гностика, высший покой или фиксированная сфера, граничащая с миром идей. Здесь отсутствует страх изменения, который характерен для нижних сфер» (Osborn 1957: 46).

Во фрагменте, на который ссылается Шуффрин, Климент пишет: «Таковые, согласно Давиду, будут почивать (καταπαύσουσιν) на святой горе Божией, в вышней Церкви (τῆ ἀνωτάτῳ ἐκκλησίᾳ), где собраны Божии философы, истинные израильтяне, чистые сердцем, в которых нет лукавства, не оставшиеся в Гебдомаде отдохновения (ἀναπαύσεως), но доброделием при божественном уподоблении добившиеся наследия благодеяния в Огдоаде, посвятив себя чистой эпопее непрерывного созерцания (ἀκρόεστου θεωρίας εἰλικρινεῖ ἐποπτεία)». По поводу приведенных слов А. Иттер пишет: «Этот переход от седьмого к восьмому классу дает нам более конкретный отчет о движении, которое происходит после первых двух спасительных изменений, упомянутых выше. Душа проходит через святую Седмерицу и попадает в обитель Господа на восьмом уровне. Следовательно, обитель Господа является высшей в последовательности, которую можно пронумеровать следующим образом: 1) обращение от язычества к вере, 2) обращение от веры к знанию и 3) обращение, состоящее из семи стадий, которые завершаются в обители Господа в восьмой (Itter 2009: 38–39).

Климент использует лексему κατάπαυσις два раза (ἀνάπαυσις встречается у него 39 раз): «Всегда блуждают сердцем: путей же Моих они не познали, так что я поклялся в гневе Моем, что они не войдут в покой (εἰς τὴν κατάπαυσίν μου) Мой» (Protr. 9,

84, 4). «И вот древние, блуждающие в пустыне евреи сделались притчей, испытав на себе последствия угрозы: ведь сказано, что они не вошли в покой (εἰς τὴν κατάλαυσιν) из-за неверия прежде, чем, последовав за преемником Моисея, узнали, наконец, на деле, что спасутся не иначе, как поверив Иисусу <Навину>» (Protr. 9, 85, 2). Кроме Strom. VI, 14, 108, 1, формы от καταλαύειν появляются у Климента девять раз. Глагол ἀναλαύειν и причастия от него находим 24 раза.

В значении обычного отдыха ἀνάλαυσις используется шесть раз: Paed. II, 9, 77, 3; Strom. II, 11, 52, 4; II, 18, 87, 1; V, 8, 49, 4; Exs. 3, 49, 2; QDS. 32, 6.

«Отдохновение» Климент снабжает эпитетами «высочайшее» (см. ниже), «вечное», «истинное», «совершенное», «во Христе», характеризует его как «предел желаний» и «вершину познания»: «<заповеди> направляют к пределу желаний, который постигается как завершение. Завершением же благочестия является вечное отдохновение (ἡ αἰδίου ἀνάλαυσις) в Боге, а наше завершение есть начало вечности» (Paed. I, 13, 102, 2); «величайшее дело — отложить предубеждение, заняв место между точным знанием и поспешной мнимой мудростью, и познать, что уповающий на вечное отдохновение (τὴν αἰώνιον ἀνάλαυσιν) знает, что вход в него труден и тесен» (Strom. VII, 16, 93, 3); «следует, чтобы употребляющий усилие для восхождения на небеса носил с собою в качестве прекрасного посоха благие дела и, подавая тем, кто находится в стесненных обстоятельствах, обретал истинный покой (τῆς ἀληθοῦς ἀναπαύσεως)» (Paed. III, 7, 39, 2); «<...> совершенный <спрашивал> о совершенном отдохновении (περὶ τῆς τελείας ἀναπαύσεως)» (QDS. 6, 1); «воспитание, подготавливающее отдохновение во Христе (τὴν τε αὖ προπαιδείαν τῆς ἐν Χριστῷ ἀναπαύσεως γυμνάζειν), тренирует ум и пробуждает разум, порождающий пытлившую сообразительность с помощью истинной философии» (Strom. I, 5, 32, 4). Климент упоминает также «подлинное отдохновение» (ἡ τῷ ὄντι ἀνάλαυσις) и «высочайшее отдохновение» (ἡ ἀκροτάτη ἀνάλαυσις), о которых будет сказано отдельно. Крайне маловероятно, что в цитатах из сочинений, написанных для обычных христиан («Педагог» и «Какой богач спасется»), слово ἀνάλαυσις может обозначать покой Огдоады. То же самое следует сказать и о Strom. I, 5, 32, 4 и VII, 16, 93, 3: в обоих случаях говорится о движении от знания к покою.

Ἀνάλαυσις соотносится Климентом с седьмым днем/Гебдомадой (т. е. с еще не полным блаженством): «<священники>

очищаются семь дней, в течение которых совершилось творение, ибо в седьмой празднуется отдохновение (ἡ ἀνάπαυσις θρησκευέται)» (Strom. IV, 25, 158, 4); «<...> справедливо число семь они рассматривают как не имеющее матери и потомства, истолковывая <как> субботу и иносказательно говоря <как> об идее отдохновения (τὸ τῆς ἀναπαύσεως εἶδος), в котором “не женятся и не выходят замуж”» (VI, 16, 140, 1); «<...> говорится, что человек создан в шестой день, ставший верным этому обозначению <Господа>, чтобы сразу получить отдохновение (ἀνάπαυσιν) Господнего наследия» (VI, 16, 141, 3). В «Извлечениях из Феодота» говорится о перемещении находящихся в «отдохновении» в состояние большего блаженства: «<...> Он явился и Аврааму и остальным праведникам, сущим одесную в отдохновении (ἐν τῇ ἀναπαύσει); ведь Он глаголет: “возрадовался, чтобы увидеть день Мой”, <Мое> Пришествие в плоти. Поэтому, воскреснув, Господь, благовествовал праведникам, <пребывающим> в отдохновении (ἐν τῇ ἀναπαύσει), и переселил их и переместил; и все “в тени Его будут жить”. Ибо тенью славы Спасителя, сущей у Отца <является> нынешнее <Его> Пришествие: тень же света не тьма, но освещение» (Eхс. 1, 18, 1–2). Можно предположить, что и в следующем фрагменте говорится не об окончательном отдохновении, а о стадии, следующей за избавлением от язычества: «Затем святая лоза произрастила пророческую гроздь. Это знак для ведомых Педагогом из блуждания к отдохновению (εἰς ἀνάπαυσιν), великая гроздь, Логос, ради нас прошедший давильню, кровь винограда, которая смешивается с водой по воле Логоса, как и Его Кровь смешивается со спасением» (Paed. II, 2, 19, 3). О покое Бога в седьмой день говорится так: «<...> Бог не прекращает творить (πέλαυται ποιῶν), как некоторые понимают отдохновение Бога (τὴν ἀνάπαυσιν τοῦ θεοῦ): ведь Он, будучи благим, если прекратит творить добро, прекратит и быть Богом, о чем и говорить нельзя. Отдыхать (καταπαύκεναι) означает, по установлению, сохранять нерушимым устав вызванного к бытию во всякое время и удерживать (καταπαύκεναι) от древнего беспорядка каждое из творений» (Strom. VI, 16, 141, 7). Ср. «<Душа,> сделавшись целиком духовной, удалившись к родственному, пребывает в духовной Церкви, <устремляясь> к Божию отдохновению (εἰς τὴν ἀνάπαυσιν τοῦ θεοῦ)» (Strom. VII, 11, 68, 5).

О покое Гебдомады, завершающем постижение/познание, говорится и в следующих фрагментах: «Поиск же представляет

собой устремленность к постижению, посредством неких знаков обнаруживающую подлежащее, нахождение же — конец и отдохновение (ἀνάπαυσις) <от> поиска, приведшего в постижению, каковое есть знание» (VI, 15, 121, 4); «где вера, там обетование, исполнение же обетования — отдохновение (ἡ ἀνάπαυσις); так что познание — в просвещении, вершина же познания — отдохновение (ἡ ἀνάπαυσις), что постигается как предел желаний» (Paed. I, 6, 29, 3). Слова из сочинения «Какой богач спасется» — «Я возведу тебя к отдохновению (εἰς ἀνάπαυσιν) и вкушению несказанных и неопикуемых благ <...>» (QDS 23, 3) — тоже должны рассматриваться как обетование субботнего покоя, поскольку выше Спаситель призывает читателя (очевидно, еще не достигшего знания) следовать за Ним. Сюда же можно отнести фрагмент, в котором содержится намек на Иоанна Крестителя (Ин. 3:29, ср. Лк. 7:28): «“Главный столыник” вечери, помощник Жениха на браках, “друг Жениха, вставший перед брачным чертогом, слыша голос Жениха, радуется радостью”. Это его “полнота (τὸ πλήρωμα) радости” и отдохновения (τῆς ἀναπαύσεως)» (Ехс. 3, 65, 1–2).

Трижды Климент этим словом характеризует рай, где текут молоко и мед (т. е., обитель, которую можно сопоставить с Гебдомадой): «<...> молоко, будучи совершенным, является совершенной пищей и ведет к не имеющему предела завершению; поэтому и было дано обетование того же самого молока и меда в <райском> отдохновении (κὰν τῆ ἀναπαύσει)» (Paed. I, 6, 36, 1); «<...> молоком, Господней пищей мы, едва родившись, начинаем вскармливаться; а едва возродившись, мы, будучи просвещаемы Евангелием, устаиваемся надежды на отдохновение (τῆς ἀναπαύσεως), на горный Иерусалим, в котором, как написано, текут мед и молоко; посредством материальной мы обручаемся и святой пище» (Paed. I, 6, 45, 1); «если “молочное” младенчество есть начало веры во Христа, а оно оказывается презираемым как ребяческое и несовершенное, каким образом отдохновение <человека> совершенного и облеченного знанием после <вкушения твердой> пищи (ἡ τοῦ τελείου καὶ ὑψωτικῆς μετὰ τὴν βρῶσιν ἀνάπαυσις) устаивается опять младенческого молока?» (Paed. I, 6, 34, 3–35, 1). О покое Гебдомады речь также идет в «Протрептике» в цитате из Евангелия (Мф. 11:28–30), которой завершается речь Христа: «Я умащу вас маслом веры, благодаря которому вы сбросите с себя тление, и покажу ничем не прикрытое очертание праведности, с помощью которой вы поднимитесь к Богу. *Придите ко Мне, все труждаю-*

щиеся и обремененные, и Я успокою (ἀναπαύσω) вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой (ἀνάπαυσιν) душам вашим, ведь иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Protr. 12, 120, 5).

Имеются четыре случая, где ἀνάπαυσις относится к Огдоаде: «<...> является ли это время тем, что через семь перечисленных периодов возвращает к высочайшему отдохновению (εἰς τὴν ἀκροτάτην ἀνάπαυσιν ἀποκαθιστάς), или семью небесами <...>» (Strom. IV, 25, 159, 2); «<...> Атлас, бесстрастный полюс (πόλος), может означать неподвижный шар, а лучше — недвижимый эон. Но думаю, кивот, получивший свое название от еврейского слова θηβωθά, обозначает скорее что-то другое. <Это слово> переводится “езде одно вместо одного”. Итак, оно истолковывается или как Огдоада и постигаемый умом мир, или как всеохватывающий не имеющий облика безвидный Бог — теперь повременим говорить <об этом>; кроме того, <это слово> имеет значение “отдохновение (ἀνάπαυσιν)” вместе с прославленными духами, на которых намекают херувимы <на ковчеге>» (Strom. V, 6, 36, 3); «под лугом <из Plat. Res. X, 616b> следует понимать неподвижный шар, ухоженное и удобное место и страну благочестивых, а под семью днями — каждое движение семи <планет> и всякое искусство созидания, стремящееся к совершенству отдохновения (εἰς τέλος ἀναπαύσεως)» (V, 14, 106, 3); «<...> отдохновение пневматиков (ἡ μὲν οὖν τῶν πνευματικῶν ἀνάπαυσις), имеющих души, одеяния, в <день> Господень, в Огдоаде, которая называется Господской, у Матери, до завершения (ἄχρι συντελείας)» (Eхс. 3, 63, 1).

Р. Штаатс считает, что Климент играл символом (mit dem Symbol spielt) и называл Огдоаду истинной субботой (Staats 1972: 36). По нашему мнению, в Strom. VI, 14, 108, 1 корректнее говорить об игре с заменой библейской формы κατασκηνώσει из Пс. 14:1 формой καταπαύσουσιν, то есть, словом с приставкой ката- и важным для Климента корнем -παυ-.

Перейдем к рассмотрению фрагмента, где под ἀνάπαυσις подразумевается как покой седьмого, так первого (т. е. восьмого) дня: «Третье же слово <заповедей> объявляет, что мир получил бытие от Бога и Он дал нам седьмой день в качестве отдохновения (ἀνάπαυσιν) из-за страданий в жизни. Бог же не ведает ни усталости, ни страдания, ни нужды; а мы, несущие плоть, нуждаемся в отдыхе. Итак, седьмой день провозглашается отдыхом (ἀνάπαυσις), удержанием от бед, подготавливающим первый день, наше подлинное отдохновение (τὴν τῷ

ὄντι ἀνάλαυσιν), которое воистину — первое возникновение света, в котором все созерцается и все наследуется» (Strom. VI, 16, 137, 4–138, 1). Отнесение слова ἀνάλαυσις к седьмому и восьмому дню вызывает в памяти ветхозаветный стих: «А в пятнадцатый день седьмого месяца, когда вы собираете произведения земли, празднуйте праздник Господень семь дней: в первый день покой и в восьмой день покой (τῆ ἡμέρᾳ τῆ πρώτῃ ἀνάλαυσις, καὶ τῆ ἡμέρᾳ τῆ ὀγδόῃ ἀνάλαυσις)» (Лев. 23:39).

Вероятно, о высшем блаженстве идет речь в следующем фрагменте: «Отсюда <знание> легко переселяет душу к тому, что ей родственно, к божественному и святому, и посредством некоего собственного света переправляет человека через мистические преуспевания, пока он не будет возвращен в высшее место отдохновения <...>» (Strom. VII, 10, 57, 1). Здесь, по словам И. Рамелли, «Климент изображает совершенство души, наделенной “гносисом”, который обитает в том, что божественно и свято, как “апокатастасис или возвращение к высшему месту отдохновения”, εἰς τὸν κορυφαῖον ἀποκαταστήσῃ τῆς ἀναλαύσεως τόπον. Это будет означать видеть Бога “лицом к лицу” с чистым сердцем. “Отдохновение” или ἀνάλαυσις, которое Климент здесь относит к *apokatastasis*, напоминает мне об отдыхе и утешении (ἀνάψυξις), исходящих от “лица Господа”, что связано с “универсальным апокатастасисом” (ἀποκατάστασις πάντων) в Деяниях 3:20 сл., в речи Петра» (Ramelli 2010: 243).

Особо следует выделить фрагмент: «Посредством каковой любви <происходит> и восстановление в надежде, каковое отдохновение (ἀνάλαυσιν), по словам апостола в другом месте, предназначено нам» (Strom. II, 22, 134, 4). А. Иттер, комментируя это место, пишет: «Для Климента жить в надежде — значит быть уже восстановленным, потому что человек получил обещание того, что ожидает его в загробной жизни, как настоящую реальность, то есть здесь и сейчас. “Такой человек получил покой (ἀναπαύσθαι), обретя надежду, на которую он рассчитывал”, и это Климент также называет “восстановление обетования (τῆς ἐπαγγελίας ἀποκατάστασιν)”. Этот покой основан на надежде и обетовании покоя, и, кроме того, он может быть обретен, пока мы еще находимся в наших телах. Повторим, что это прерогатива одного лишь гностика. Поэтому Климент помещает надежду в контекст восстановления, подчеркивая ее двойственный характер. Опираясь на Рим. 6:22 и 5:4, Климент описывает, как Павел говорил о двойной надежде:

как на то, что ожидается, так и на то, что получено. Это и есть “восстановление надежды” (τὴν τῆς ἐλπίδος ἀποκατάστασιν). Именно в этой двойной надежде, пребывая в которой, жизнь надежды также должна быть восстановлена в надежде (in which living the life of hope is also to be restored in hope), Климент видит наше наиболее полное уподобление Христу. Такое состояние жизни в будущем, как если бы оно уже существовало, является идеальным состоянием покоя, и его можно достичь, живя в соответствии с заповедями Бога» (Itter 2009: 212). Таким образом, в отдельных случаях «отдохновение» может обозначать не только покой в Царствии Небесном, но и покой, достигаемый гностиком в этой жизни.

О том, что под ἀνάπαυσις может подразумеваться не конечный, а начальный покой, говорит место из «Пророческих эклог»: «<...> в прошлом Он поставил первоначальных ангелов еще не для служения тому, кто определен в соответствии с промыслом, но для пребывания в покое (ἐν ἀναπαύσει), лишь созерцая Бога» (Ecl. 56, 7).

Мы видим, что Климент не считал для себя необходимым использовать разные слова для обозначения покоя Гебдомады и Огдоады и, подобно Аристотелю с его «первой» и «второй сущностью», довольствовался лишь добавлением определения к термину. Можно выделить три состояния, которые Климент обозначает словом ἀναπαύσις: 1) первоначальное состояние ангелов (и покой уже в нашем мире истинных гностиков), 2) покой в раю Гебдомады, 3) подлинный покой гностиков в Огдоаде. В большинстве случаев этой лексемой Климент характеризует покой в Гебдомаде.

В Новом Завете слово ἀνάπαυσις встречается 5 раз (Мф. 11:29; 12:43; Лк. 11:24; Откр. 4:8; 14:11), слово κατάπαυσις — 9 раз (Деян. 7:49; Евр. 3:11, 18; 4:1, 3 (bis), 5, 10, 11) (Schmoller 1994: 37, 273). В Септуагинте, по нашим подсчетам, ἀνάπαυσις (со значением “*repose, rest; resting place; day of rest (Sabbat); (moment) until the (time of) rest*” (Lust, Eynikel, Hauspie 1992: 31)) используется 58 раз, κατάπαυσις (со значением “*rest; resting-place*” (Lust, Eynikel, Hauspie 1996: 241)) — 12 раз. У Платона дважды встречается слово ἀνάπαυσις (Phileb. 51a; Tim. 59c). У Плутарха — 23 раза, у Филона — 14. Р. М. Джонстон отмечает, что последний заменяет библейский глагол καταπαύειν (Быт. 2:2–3, Исх. 20:11) глаголом ἀνάπαυσις (Johnston 2011: 322). Слово κατάπαυσις у этих авторов, труды которых Климент знал и использовал, отсутствует. Возможно, последнее обстоятель-

ство и предопределило бóльшую частотность слова ἀνάπαυσις у Климента.

Терминологическое совпадение обозначений изначального покоя, покоя Гебдомады и Огдоады ставит перед нами заслуживающий специального исследования вопрос: насколько принципиальным Климент мыслил различие между состоянием Адама до грехопадения и обожением гностиков.

Литература

- Choufrine, A. M. 2013: *Gnosis, Bogoyavlenie, Obozhenie: Kliment Aleksandriysky i yego istochniki* [*Gnosis, Theophany, Theosis: Studies in Clement of Alexandria's Appropriation of His Background*]. Moscow.
- Шуфрин, А. М. 2013: *Гносис, Богоявление, Обождение: Климент Александрийский и его источники*. Пер. с англ. В. Р. Рокитянского. 2-е изд. испр. и доп. М.
- Clément d'Alexandrie. 1965: *Le Pédagogue*. Livre II. Trad. de C. Mondésert. Notes de H.-I. Marrou. Paris: Les editions du Cerf.
- Helderman, J. 1984: *Die Anapausis im Evangelium Veritatis. Eine vergleichende Untersuchung des valentinianisch-gnostischen Heilsgutes der Ruhe im Evangelium Veritatis und in anderen Schriften der Nag Hammadi-Bibliothek*. Leiden: E. J. Brill.
- Itter, A. C. 2009: Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. In: *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston: Brill. Vol. 97.
- Johnston, R. M. 2011: The Sabbath as metaphor in the second century C. E. In: *Andrews University Seminary Studies*. 49. № 2, 321–335.
- Lust, J., Eynikel, E., Hauspie, K. 1992: *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*. Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie with the collaboration of G. Chamberlain. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. Part I.
- Lust, J., Eynikel, E., Hauspie, K. 1996: *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*. Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, Part II.
- Osborn, E. F. 1957: *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge: At the University Press.
- Ramelli, I. Stromateis VII and Clement's hints at the theory of apokatastasis. In: *The seventh book of the Stromateis: Proceedings of the Colloquium on Clement of Alexandria* (Olomouc, October 21–23, 2010). M. Havrda, V. Hušek, J. Plátová (eds). Leiden; Boston: Brill, 239–257 (= Supp. to *Vigiliae Christianae*, vol. 117).
- Schmoller, A. 1994: *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament*. Bearbeitet von B. Koester. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Stählin, O. 1901: *Clemens Alexandrinus und Septuaginta*. Nürnberg: Buchdruckerei von J. L. Stich.
- Staats, R. 1972: Ogdoas als ein Symbol für die Auferstehung. In: *Vigilia Christiana* 26, 29–52.